

ПО ПОВОДУ ПРИСОЕДИНЕНІЯ ТВЕРИ

КЪ МОСКВѢ

И УЧАСТІЯ

ТВЕРСКИХЪ БОЯРЪ ВЪ ЭТОМЪ СОБЫТІИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. Н. Овсянникова,

Члена Тверской ученой архивной коммиссіи, дѣйствительнаго члена Нижегородскаго статистическаго комитета, члена-сотрудника И. Р. географическаго общества.

ТВЕРЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1892 г.

Печатано по распоряж. Твер. Учен. Арх. Ком., 16 марта 1892 г. Тверь.

ПО ПОВОДУ ПРИСОЕДИНЕНІЯ ТВЕРИ КЪ МОСКВѢ

И УЧАСТІЯ

ТВЕРСКИХЪ БОЯРЪ ВЪ ЭТОМЪ СОБЫТІИ.

Рефератъ, прочитанный въ засѣданіи Тверской Ученой Архив. Коммиссіи членомъ ея Н. Н. Овсянниковымъ.

I.

Исторія Тверскаго княжества по времени совпадаетъ съ исторіей объединенія Сѣверовосточной Руси подъ владычествомъ Москвы. Эти событія принадлежатъ самому важному періоду Русской исторіи, который имѣетъ, можно сказать, всеславянское значеніе. Въ это время сложилось великорусское племя, послужившее ядромъ къ объединенію всей Россіи. Этимъ оно отличается отъ всѣхъ другихъ родственныхъ ему славянскихъ племенъ, даже и болѣе его образованныхъ, которымъ не удалось создать такого единаго и обширнаго государства, какъ наше. Замѣчательно, что впервые этотъ государственный смыслъ выработала изъ себя великорусская суздальская народность. Но почему же роль Москвы, какъ создательницы объединенія, не досталась Твери? Почему мы не говоримъ о паденіи Москвы и о торжествѣ надъ нею Твери? Развѣ это было не возможно? Было же время, когда Тверь, ни по богатству, ни по величинѣ своего княжества, нисколько не уступала Москвѣ. Одни объясняютъ это тѣмъ, что тверскіе князья, за малымъ исключеніемъ, были безталанные

люди, не понимавшіе ни своего времени, ни своего положенія. Только одинъ тверской князь Михаилъ Александровичъ, говорятъ, составлялъ исключеніе. Но есть другое мнѣніе и, кажется, болѣе справедливое. Московскіе князья, говорятъ, по энергіи и по способностямъ, далеко уступаютъ тверскимъ. На сторонѣ тверскихъ князей въ борьбѣ ихъ съ московскими было право старшинства, были таланты, но на сторонѣ Москвы, прежде всего,—деньги и умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ. Въ то время, когда тверскіе князья считали возможнымъ вступить въ борьбу съ Ордою, московскіе были другаго мнѣнія: они думали, что гораздо большаго можно добиться деньгами, чѣмъ оружіемъ, почему усердно ухаживали за Ордой, дѣлая ее орудіемъ своихъ замысловъ. Припомнимъ для того битву при Бартеневѣ при Михаилѣ Ярославичѣ и Щелкановщину при Михаилѣ Александровичѣ. Московскіе князья взяли верхъ въ борьбѣ съ Тверью и успѣли объединить Русь подъ своею властью въ силу многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Указываютъ при этомъ на географическія условія, среди которыхъ находилось Московское княжество. По мнѣнію Бестужева-Рюмина, это условіе второстепенное. Географическое положеніе Твери едва ли было менѣе выгодно, чѣмъ Москвы: Тверь лежала дальше Москвы отъ татаръ и была на Волгѣ, т. е. на лучшемъ торговомъ пути. Этнографическія причины настолькоже, насколько географическія и историческія, способствовали образованію въ Москвѣ центра объединенія русской земли: предпріимчивые, смѣлые, но практическіе и способные къ неустанной дѣятельности Великорусы—колонисты въ началѣ, посреди чуждыхъ племенъ, принявшіе въ себя не подвижной, степной, а болѣе осѣдлый элементъ, и къ тому самою бѣдностью природы принужденные къ труду промышленному—вотъ та среда, гдѣ заложены основанія этого единства. Слѣдовательно гораздо важнѣе для возвышенія Москвы будетъ то обстоятельство, что Москва составляла центръ этнографическій, центръ, около

котораго сложилось великорусское племя, впервые выступившее на поприще славянской исторіи. Государственный смыслъ, давшій первенствующее значеніе этому племени въ исторіи не только русскаго, но и всѣхъ славянскихъ народовъ, чувство мѣры, практическій расчетъ, самообладаніе, трезвость народнаго характера, непозволяющаго увлекаться никакими, даже самыми благородными чувствами, удаляющими отъ разъ поставленныхъ задачъ, всѣ эти качества, выразившіеся съ особенною полнотою и въ князьяхъ московскихъ, какъ собирателяхъ Руси, какъ представителяхъ великорусскаго племени, объясняютъ очень многое въ исторіи. Историческое воспитаніе великорусскаго племени началось съ медленнаго, труднаго дѣла колонизаціи сѣверо-востока Россіи. Въ борьбѣ съ дикой природой, съ безчисленными лишеніями и опасностями, развилась столь извѣстная практическая сноровка Великорусса, настойчивость и твердость его труда, находчивость и мужество въ бѣдѣ, а нужда научила преодолѣвать представлявшіяся на каждомъ шагу препятствія не въ одиночку, а артельно—общинными усиліями. Здѣсь посреди неоглядныхъ полей и дремучихъ лѣсовъ,—шири, пустоши и приволья, выросла его богатырская сила и молодецкая удаль. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ созналъ и потребность въ крѣпкой руководящей власти, способной направлять къ дружной цѣли разрозненныя силы въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ. Эти свойства образовали русскій государственный характеръ, насколько мы понимаемъ его, и остались навсегда въ исторіи. Они отличаютъ по преимуществу народный геній великорусскаго племени. Нельзя не пожалѣть, что ни у прежнихъ историковъ возвышенія Москвы, напр. у Станкевича и Вишнякова, спеціально занимавшихся этимъ вопросомъ, ни у новѣйшаго—г. Иловайскаго, на этотъ пунктъ не обращено должнаго вниманія. Ему посвятилъ только нѣсколько лекцій, какъ мы слышали, г. Ключевскій. Возвышенію Москвы содѣйствовали затѣмъ другія обстоятельства: болѣе существенная помощь въ дѣлѣ объеди-

ненія со стороны духовенства и бояръ сравнительно съ Тверью; лучшее матеріальное положеніе московскихъ князей, такъ какъ первые московскіе князья были скопидомы, образцовые хозяева, заведшіе отличный порядокъ въ своемъ княжествѣ, плодомъ котораго и было установленіе большей внутренней тишины и безопасности: «и престаша татарове воевати русскую землю», говоритъ лѣтопись о временахъ I. Калиты. Преемственная, вѣрная своимъ интересамъ, политика московскихъ князей, по отношенію къ Ордѣ и къ сосѣднимъ княжествамъ, ставила Москву въ болѣе выгодное положеніе сравнительно съ Тверью. Но Тверь могла получать помощь отъ Литвы, съ которою дружила? Во всякомъ случаѣ менѣе существенную, чѣмъ Москва отъ татаръ. Вѣроисповѣдная разница между Тверью и Литвою создавала въ Твери партію, которая нравственно тяготѣла къ Москвѣ. Въ первое время существованія Тверскаго княжества территорія его по величинѣ и по силамъ равнялась Московскому княжеству, можетъ быть даже по своему богатству Тверь превосходила Москву, но въ послѣдующее время это отношеніе измѣнилось. Москва разными примыслами, или по духовнымъ завѣщаніямъ, или на деньги отъ ордынскаго выхода, увеличивала постепенно свою территорію; Тверь оставалась почти всегда въ однѣхъ и тѣхъ же границахъ: присоединенъ былъ только одинъ Ржевъ и то онъ былъ съ смѣсномъ владѣніи. Ссора тверскихъ князей съ Ордою началась тогда, когда Орда была еще сильна; ссора московскихъ князей съ Ордою относится къ періоду ея упадка. Затѣмъ въ борьбѣ своей съ Тверью Москва употребляла не разъ недозволенныя и нечестныя средства. Москва приводила татарскую рать на русскую землю. Сами московскіе князья дѣйствовали, какъ промышленники, въ которыхъ ремесло и обстоятельство развиваютъ смѣтливость и находчивость насчетъ другихъ высшихъ благородныхъ качествъ и стремленій. Въ этомъ отношеніи нравственныя и благородныя качества тверскихъ князей стоятъ гораздо выше. Со сто-

роны тверскаго духовенства помощь князьямъ никакъ нельзя назвать равносильною сравнительно съ услугами московскаго митрополита своимъ князьямъ. Если встрѣчаются въ Твери среди епископовъ нѣкоторыя личности святой жизни, напр. Симеонъ и Арсеній, совѣтомъ которыхъ могъ бы руководиться князь, то Москва, переманивши къ себѣ главу русской церкви, митрополита, находилась въ лучшемъ положеніи. Рядъ московскихъ святителей—митрополиты Петръ, Алексѣй и Іона—пользовался большимъ авторитетомъ среди всѣхъ русскихъ, во всѣхъ княжествахъ, и даже въ самой Ордѣ. Сѣверовосточная Русь не въ тверскомъ, а въ московскомъ князѣ привыкала видѣть старшаго сына русской церкви, ближайшаго сотрудника и друга главнаго русскаго іерарха. На Москвѣ, по взгляду народа, покоилось особое благословеніе Божіе, преподанное первымъ святителемъ Русской земли святымъ митрополитомъ Петромъ. Если говорятъ, что московскіе бояре помогли возвышенію Москвы, то сравнительно митрополиты Петръ, Алексѣй и Іона оказали ей въ этомъ дѣлѣ болѣе существенную услугу. Приведемъ здѣсь одинъ примѣръ, касающійся Твери. Когда князь тверской Михаилъ Ярославичъ, бывшій въ то время великимъ княземъ, послѣ неудачи подъ Переяславлемъ—Залѣсскимъ, вздумалъ захватить Нижній-Новгородъ и послалъ туда войско съ своимъ сыномъ, юнымъ Дмитріемъ, онъ встрѣтилъ неожиданное препятствіе со стороны митрополита Петра. Слѣдуетъ помнить, что до сихъ поръ митрополиты постоянно помогали великому князю. Тверское войско достигло уже Владимира, когда митрополитъ Петръ положилъ церковный запретъ на дальнѣйшій походъ. Три недѣли простоялъ здѣсь Дмитрій Михайловичъ, пока добился, чтобы митрополитъ его «разрѣшилъ» (т. е. вѣроятно снялъ отлученіе отъ церкви); юный княжичъ затѣмъ вернулся домой, распустивъ рать [1]). Но особенно помогъ воз-

[1]) Исторія Россіи, Д. Иловайскаго, т. II, стр. 9.

вышенію Москвы митрополитъ Алексѣй, родомъ московскій бояринъ Плещеевъ. Не даромъ Олгердъ жалуется на него константинопольскому патріарху за его явное предпочтеніе интересовъ Москвы; патріархъ шлетъ ему выговоръ и упреки, напоминаетъ, что онъ поставленъ митрополитомъ всей Руси, а не одного ея уголка. Алексѣй все идетъ своей дорогой; для этого нуженъ былъ и могучій умъ, и твердое сознаніе необходимости задуманнаго дѣла. Только тотъ изъ современныхъ князей могъ добиться первенства, помимо родоваго старѣйшинства, потерявшаго значеніе, за кого стоялъ митрополитъ. Князей, говоритъ Соловьевъ, было много, а митрополитъ былъ одинъ. Развѣ безъ содѣйствія митрополита Москва могла бы побѣдить Тверь, Рязань и въ особенности Новгородъ?

Сила митрополита неизбѣжна должна была сдерживать и силу московскаго боярства; князья же московскіе съ самаго начала Москвы стали за силою митрополита, какъ за каменною стѣною. Церковный авторитетъ и политическая прозорливость первыхъ митрополитовъ, вмѣстѣ съ военными способностями и политическою ловкостью дружинныхъ вождей, въ самомъ началѣ возвышенія Москвы отстояли ея будущее значеніе въ Русской землѣ: митрополитъ Петръ перенесеніемъ своего мѣстопребыванія въ Москву, а вождь южно-русскихъ дружинъ Родіонъ Нестеровичъ, явившійся къ Іоанну Калитѣ съ 1700 дружинниковъ,—удержаніемъ за Москвою весьма важнаго пункта Переяславля. «Инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща—замѣчаетъ лѣтописецъ (Ник. III 140)».

Если помощь со стороны духовенства для укрѣпленія силъ московскаго княжества была болѣе существенна, чѣмъ въ Твери, то тоже самое слѣдуетъ сказать и о помощи со стороны московскихъ бояръ. Интересы московскихъ бояръ въ періодъ возникновенія Московскаго княжества совпадали болѣе съ интересами князей, чѣмъ тверскихъ бояръ и князей. Московскіе бояре—выходцы были болѣе могущественны и богаты,

чѣмъ тверскіе. Примѣръ Родіона Нестеровича показываетъ, что въ Москвѣ получали боярство выходцы, пріѣзжавшіе не съ пустыми руками, а приводившіе цѣлыя дружины. Не съ пустыми руками пріѣзжали въ Москву и татарскіе мурзы. Разница между тверскими и московскими боярами видна и въ томъ, что послѣдніе были многочисленнѣе и болѣе дѣятельные. Приливъ боярскихъ выходцевъ въ Тверь существовалъ также, но онъ не былъ такъ великъ, какъ въ Москвѣ. Намъ извѣстны только слѣдующіе роды тверскихъ бояръ: Чаплины, Поликарповы, Свѣчины, Шишковы, Бороздины, Микулинскіе, Шетневы, князья Ѳоминскіе и Березуйскіе, Зюзины, Бибиковы, Якимовы, Нагіе, Левашовы, Нащокины и Коробовы. Въ Москвѣ выходцевъ-бояръ было болѣе потому, что Москва впослѣдствіи была болѣе Твери, слѣд. здѣсь они болѣе получали доходовъ. Заслуги московскихъ бояръ были болѣе значительны, чѣмъ тверскихъ. Извѣстно, напр., что они добыли престолъ великокняжескій Дмитрію Донскому, который безъ нихъ не дѣлалъ потомъ и шагу; при Василіѣ Дмитріевичѣ они добываютъ Муромъ и Нижній-Новгородъ; они отстаиваютъ престолъ ничтожнаго и вѣроломнаго Василія Васильевича и спасаютъ его сыновей. Все княженіе послѣдняго свидѣтельствуетъ о силѣ и значеніи московскаго боярства; безъ митрополита Іоны и бояръ дѣлу Калиты и митрополита Алексѣя грозила гибель. Не менѣе важную роль послѣ Куликовской битвы играли московскіе бояре въ исторіи колонизаціи степей и Поволжья къ югу отъ линіи Оки между Рязанью и Нижнимъ. Впослѣдствіи, съ приливомъ въ Москву княжескихъ родовъ, воспослѣдовало раздвоеніе московскаго боярства на княжеское и старо-московское. Князья внесли въ мѣстничество свои родовые счеты, и нѣкоторые роды имѣли двоякое мѣстническое отечество—по родословцу и по разрядамъ. При Іоаннѣ III началось у правительства столкновеніе съ князьями и боярами за священное для дружинниковъ право отъѣзда, начались и крестоцѣловальныя записи. Вопросъ о правѣ

отъѣзда получилъ особенное значеніе при Іоаннѣ Грозномъ, когда отъѣздъ, въ дѣлѣ Курбскаго напр., окончательно приравнялся къ измѣнѣ.

Въ исторіи Твери очень рѣдко упоминается о боярахъ. Можетъ быть потому, что роль ихъ была вообще незначительна. Положеніе тверскихъ бояръ при дворѣ князя было такое же, какъ вездѣ на Руси: князь совѣтовался съ боярами во всѣхъ важныхъ дѣлахъ своего княжества, во всѣхъ княжескихъ усобицахъ бояре принимали участіе; народъ рѣдко принималъ участіе въ исторіи, за исключеніемъ Великаго Новгорода и Ростова. И позднѣе народъ выдвигается на первое мѣсто только при Грозномъ и въ Смутное время. Воля князя и воля дружины — старѣйшіе которой назывались боярами — въ древнѣйшій, кіевскій, періодъ нашей исторіи были тождественны. Но по смерти Андрея Боголюбскаго происходитъ въ этихъ отношеніяхъ переворотъ. Могущество дружины было не по душѣ властительному князю и заставило его перенести свое мѣстопребываніе на сѣверъ, въ Ростовскую область, гдѣ онъ надѣялся дать перевѣсъ княжеской власти. Въ кіевскій періодъ нашей исторіи единство княжескаго рода было связующимъ звѣномъ между всѣми княжествами; во владимірскій періодъ сила старѣйшаго князя, сдѣлавшагося потомъ единодержавнымъ, служитъ уже этимъ звѣномъ. Единство княжескаго рода, владѣвшаго дотолѣ Русью, кончилось, и появленіе удѣловъ, въ смыслѣ отдѣльныхъ вотчинъ—только теперь это были настоящіе удѣлы—повело къ стремленію усиливать эти удѣлы на счетъ удѣловъ другихъ князей. Бояре могли содѣйствовать въ этомъ своему князю и находить въ этомъ содѣйствіи главное свое призваніе. Участіе въ этой политикѣ князей сохраняло за ними ихъ почетное мѣсто и ихъ права. Главные права бояръ состояли: въ правѣ совѣта и въ правѣ отъѣзда. Лѣтописецъ говоритъ, что въ то время, когда тверской князь Михаилъ Александровичъ рѣшился отказаться отъ престола и постричься въ иноческій

чинъ, князья, бояре и всѣ люди пришли ко двору князя и ожидали, чтобы идти къ нему «обычнаго градцкаго ради управленія», но Михаилъ Александровичъ ихъ не принялъ. Право отъѣзда всегда сохранялось за тверскими боярами, изъ которыхъ многіе еще задолго до паденія Твери переѣхали въ Москву. Тверскіе бояре раздѣляли и добрую, и злую долю своихъ князей. Примѣровъ очень много и они приведены на 219 стр. «Исторіи Тверскаго княжества» Борзаковскаго. Самое дѣятельное участіе тверскихъ бояръ въ борьбѣ Москвы съ Тверью относится ко времени тверскаго князя Михаила Ярославича, когда еще неизвѣстно было, кто возьметъ верхъ —Москва, или Тверь Михаилъ Ярославичъ вмѣстѣ съ московскимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ отправились въ Орду искать великокняжескаго титула. Въ Ордѣ ханъ и его вельможи не столько обращали вниманіе на старшинство, сколько на дани и подарки. Кто дороже заплатилъ, кто обязался вносить богатую дань, тотъ и получалъ ярлыкъ. На первый разъ верхъ остался за Михаиломъ тверскимъ. Но еще прежде, нежели соперники успѣли вернуться изъ Орды, ихъ намѣстники и бояре уже открыли междоусобную войну. Знатнѣйшимъ изъ тверскихъ бояръ былъ въ то время бояринъ Акинфъ, отъѣхавшій въ Тверь изъ Москвы [1]). Родіонъ Несторовичъ занялъ въ Москвѣ первое мѣсто, которое до него

---

[1]) Ср. «Исторія тверскаго княжества Борзаковскаго», прим. 390. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя лѣтописи говорятъ, что Акинѳъ служилъ Андрею городецкому, а послѣ его смерти отправился въ Тверь служить Михаилу Ярославичу. Карамзинъ повѣсть о бояринѣ Акинѳѣ считаетъ новѣйшею вставкою въ Ростовскую лѣтопись. Борзаковскій главное происшествіе считаетъ вѣроятнымъ. Квашнины, потомки Родіоновы, описываютъ его въ своей челобитной, поданной ими въ 1576 г. Іоанну Васильевичу, говоря, что Акинѳъ бѣжалъ отъ Калиты къ к. Михаилу Ярославичу тверскому. См. также Соловьэва IV т. 153, прим. 173, и Исторію Россіи Д. Иловайскаго, II, стр. 8.

принадлежало боярину Акинѳу. Москва усиливая себя дружиною, въ то же время старалась мѣшать дружинѣ укрѣпиться качественно, мѣшала ей сплотиться. Московскіе князья съ какою то особенною охотою жертвовали своими старыми боярами новымъ выходцамъ съ юга: при Калитѣ Родіонъ заѣхалъ Акинѳа. Хитрая политика московскихъ князей посредствомъ такихъ заѣздовъ не дала возможности боярству сдѣлаться всемогущимъ. Заѣзды эти задерживали сплоченіе боярства. Когда бояринъ Акинѳъ отъѣхалъ въ Тверь, въ это время шла борьба Москвы съ Тверью. Она сосредоточилась на Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Въ исходѣ борьбы было важно знать, кому будетъ принадлежать этотъ городъ. Вопросъ былъ настолько важенъ, что Иванъ Даниловичъ московскій самъ отправился защищать Переяславль. Бояринъ Акинѳъ съ тверскими полками осадилъ Переяславль и три дня держалъ Ивана Даниловича въ осадѣ; на четвертый день со своею южною дружиною на помощь Ивану Даниловичу явился изъ Москвы Родіонъ Нестеровичъ. Родіонъ Нестеровичъ зашелъ тверичамъ въ тылъ и внезапно ударилъ на нихъ, давъ возможность князю Ивану Даниловичу сдѣлать вылазку. Тверичи были разбиты, Переяславль остался за Москвою. Если бы тверичи овладѣли Переяславлемъ-Залѣсскимъ, то владѣнія тверскихъ князей получило бы непосредственное сообщеніе съ землями Суздальско-Владимірскаго княжества, за обладателемъ котораго сохранялся титулъ великаго князя. Сохраненіе Переяславля за Москвою имѣло рѣшающее вліяніе на всю борьбу Москвы съ Тверью; тверскимъ князьямъ трудно было достать великокняжескій вѣнецъ черезъ голову московскихъ князей; протянутая рука всегда могла быть остановлена.

При томъ же князѣ Михаилѣ Ярославичѣ тверскіе бояре принимали участіе и въ знаменитой Бортеневской битвѣ, въ которой былъ разбитъ Юрій Даниловичъ московскій. Въ числѣ плѣнныхъ послѣ битвы находилась супруга Юрія, дочь владѣтеля Орды, по имени Кончака, а въ крещеніи Агаѳія.

Она умерла въ плѣну въ Твери и Юрій распустилъ слухъ, что ее здѣсь отравили. Извѣстно, что этотъ несчастный случай послужилъ къ погибели въ Ордѣ самого князя Михаила Ярославича. Тверскіе бояре и склонили Михаила Ярославича на войну съ Юріемъ. Передъ выступленіемъ въ походъ противъ Юрія, который шелъ съ татарами, Михаилъ Ярославичъ совѣтовался съ епископомъ, князьями и тверскими боярами. Михаилъ сказалъ имъ: «братья! видите ли я отъ великаго княженія отказался, и выходъ давалъ, и все таки сколько зла уже сдѣлали въ отчинѣ моей! Я терпѣлъ и надѣялся, что злобѣ моихъ враговъ настанетъ конецъ, но вижу, что они и моей головы ищутъ. Развѣ я виноватъ; а если виноватъ, то скажите мнѣ». Тогда епископъ, князья и бояре отвѣчали: «ты правъ, господинъ, во всемъ. Ты, господинъ ступай противу враговъ, а мы хотимъ за тебя животъ свой положить».

Такъ дважды было неудачно и несчастливо участіе тверскихъ бояръ въ дѣлѣ возвышенія Твери надъ Москвою.

II.

Посмотримъ теперь, какую роль играли тверскіе бояре во время присоединенія Тверскаго княжества къ Москвѣ. Можно ли объяснить паденіе Твери измѣною бояръ? Подобное поведеніе бояръ, какое мы видимъ въ Твери въ это время, при потерѣ ею своей самостоятельности, встрѣчается въ исторіи Нижняго Новгорода и Рязани и не было одинокимъ. Оно объясняется положеніемъ бояръ при дворѣ князя: бояре имѣли право отъѣзда и могли свободно переходить отъ одного князя къ другому. Такой переходъ никакъ нетождественъ былъ измѣнѣ. Нѣкоторые тверскіе бояре еще за нѣсколько лѣтъ до паденія Твери переѣхали на службу

къ московскому князю. Но во время похода Іоанна III на Тверь въ 1485 г. со стороны тверскихъ бояръ, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, была измѣна. Было бы несправедливо утверждать, что возвышеніе Москвы всего болѣе обязано московскимъ боярамъ; несправедливо также говорить, что Тверь пала только вслѣдствіе измѣны своихъ бояръ Тверскіе бояре въ дѣлѣ паденія Твери вовсе не были главною причиною этого событія. Утверждать другое значило бы приписывать имъ такую важность, какой они не имѣли.

Событіе присоединенія Твери къ Москвѣ обыкновенно, передается такъ: послѣдній тверской князь Михаилъ Борисовичъ, нарушая свои договоры съ Москвой, возобновилъ свои сношенія съ Литвой. Въ Москвѣ зорко слѣдили за нимъ: былъ перехваченъ тверской гонецъ съ грамотами къ королю. Іоаннъ III сталъ укорять Михаила Борисовича. Тверской князь послалъ въ Москву владыку Васьяна бить челомъ, но вел. князь не принялъ его челобитья; тогда были посланы кн. Михаилъ Дмитріевичъ Холмскій, Василій Даниловичъ и Дмитрій Никитичъ Чередъ, но вел. князь и на глаза къ себѣ ихъ не пустилъ, а сталъ собирать войско. Іоаннъ III самъ выступилъ въ походъ на Тверь 21 августа 1485 г. [1]). Приказано было также и новгородцамъ съ бояриномъ Яковомъ Захарьичемъ идти на Тверь. При московскомъ войскѣ былъ

---

[1]) Годъ присоединенія Твери показывается различно: по Софійской лѣтописи оно совершилось въ 1485 г., а по Воскрес, Никонов. лѣт. и Татищеву въ 1486 г.; Карамзинъ и Соловьевъ держались перваго года. Борзаковскій въ своей «Исторіи Тверскаго княжества (стр. 202)» принимаетъ послѣдній годъ, впрочемъ не представляя своихъ основаній. Если вѣрна дата, означенная на посольскихъ рѣчахъ отъ Казиміра IV къ Іоанну III 1486 годомъ 25 сентябремъ (Актъ Западной Росіи, I № 84), то упомянутое здѣсь бѣгство Михаила въ Литву надобно отнести къ предыдущему т. е. 1485 году (См. Исторія Россіи, Илловайскаго. Т. II, стр. 575, прим. 97).

и Аристотель съ пушками, тюфяками и пищалями. Сентября 8 московское войско подошло къ Твери, 10-го зажжены были посады, 11-го пріѣхали изъ Твери къ вел. князю въ станъ князья и бояре тверскіе (коромольники, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ) и били ему челомъ въ службу. Тогда же ночью Михаилъ Борисовичъ, «видя свое изнеможеніе», взялъ свою казну и убѣжалъ изъ Твери «съ малою дружиною» въ Литву. Сентября 12-го пріѣхалъ къ вел. князю тверской владыка Васьянъ, происходившій отъ московскихъ бояръ, князь Михаилъ Холмскій съ братьею и съ сыномъ, и другіе князья и бояре, и земскіе люди, и отворили городъ. Иванъ Васильевичъ велѣлъ жителей привести къ присягѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ «отъ своей силы беречь, чтобъ ихъ не грабили». Послѣ того, 15-го сентября, Иванъ Васильевичъ самъ пріѣхалъ въ Тверь, слушалъ обѣдню у Спаса. Великій князь московскій Иванъ Васильевичъ многихъ князей и бояръ тверскихъ свелъ на Москву (а владыку Васьяна съ Твери не свелъ, замѣчаетъ лѣтописецъ), а Тверью пожаловалъ сына своего вел. князя Ивана Ивановича. Намѣстникомъ же въ Тверь былъ назначенъ бояринъ Василій Ѳедоровичъ Образецъ Добрынскій. Иванъ Васильевичъ тверскихъ бояръ «и у себя помиловалъ, въ боярѣхъ учинилъ» и далъ имъ свои грамоты на ихъ вотчины. Такимъ образомъ тверскіе бояре увидѣли всю выгоду быть московскими боярами: теперь ихъ уже не могли, какъ прежде, обижать московскіе бояре и дѣти боярскіе. Мать Михаила Борисовича была отправлена въ заточеніе въ Переяславль Залѣсскій за то, что пыталась припрятать сыновнюю казну, т. е. золото, серебро и дорогіе камни, и тайкомъ отправить все это въ Литву къ сыну. Самъ Михаилъ провелъ остатокъ жизни въ Литвѣ, получивъ отъ короля нѣсколько селъ на свое содержаніе. Спустя нѣсколько лѣтъ, Иванъ Васильевичъ велѣлъ росписать Тверскую землю «по московски въ сохи», для чего послалъ своихъ писцовъ въ города:

Тверь, Старицу, Зубцовъ. Опоки, Клинъ. Холмъ, Новый городокъ и Кашинъ [1].

Изъ этого разсказа видно, что ни одни тверскіе бояре въ критическую минуту поѣхали къ вел. князю московскому; къ нему поѣхали также и земскіе люди, и епископъ Васьянъ. Если послѣдній остался въ Твери на прежнемъ мѣстѣ, это значило, что онъ былъ угоденъ в. князю. Тверскіе бояре за свою измѣну пожалованы были московскими боярами, но ихъ удалили изъ Твери, потому, что имъ менѣе довѣряли, чѣмъ епископу Васьяну. Но лѣтописецъ ни кого другаго, а тверскихъ бояръ винитъ въ паденіи Твери. Вотъ его слова: «1485 г. сент. 12, на память св. мученика Автонома, взя градъ Тверь и все великое княжество тверское в. кн. московскій Иванъ Васильевичъ, подъ в. княземъ Михаиломъ Борисовичемъ тверскимъ изрlадою своихъ ему бояръ, самъ же прибеже въ Литву съ малою дружиною, а матерь его в. княгиню Настасью въ полонъ взяпа къ Москвѣ при владыцѣ тверскомъ Васьянѣ. И тако окончася в. княжество тверское» [2].

Въ то время, когда совершилось паденіе Тверскаго княжества естественно было ожидать, что сами современники объяснятъ причину этого событія, насколько она могла быть имъ понятна Обыкновенно всю вину событія легче всего складывать на одно какое нибудь прикосновенное къ дѣлу лицо, или на одно сословіе. Оказывается, что всего скорѣе современники паденія Твери согласны были во всемъ винить бояръ. Не было бы измѣнниковъ бояръ, думали они, не пало бы и Тверское княжество. Если они и были правы, то мы узнаемъ только ближайшую причину этого событія. Тверь пала только благодаря измѣнѣ бояръ, говорятъ они. Но твер-

---

[1]) Исторія Тверскаго княжества, Борзаковскаго. 1876. стр. 202 и 203; Исторія Россіи, Илловайскаго, т. II, стр. 575, прим. 97.

[2]) Борзаковскій, прим. 973. Извѣстіе взято изъ Супрасл. рукописи, изд. въ 1836 г. Оболенскимъ.

скіе бояре учинили «израду» можетъ быть потому, что пришелъ конецъ самостоятельности Твери и другаго ничего не оставалось сдѣлать. Что исторія послѣднихъ дней независимости Твери шла нормальнымъ путемъ, это видно изъ того, какъ совершилось присоединеніе Твери къ Москвѣ. Тихо, безъ кровопролитія, разсказываютъ современники, совершилось это событіе, и это не потому только, что политика Іонна III была умна и осторожна. Военно-служилое сословіе, и не въ одной только Твери, давно уже тянуло къ Москвѣ; а масса населенія по своимъ преданіямъ, религіи, народности и по своему политическому быту, не отличаясь отъ кореннаго московскаго населенія, не имѣла никакихъ серьезныхъ поводовъ стоять за свою самостоятельность. Не было болѣе послѣ паденія Твери своего княжескаго двора, не было своего князя, но въ этомъ не было и особенной надобности. Сліяніе съ Москвою представляло такъ мало затрудненій, что Іоаннъ III, по видимому, ограничился только незначительнымъ выводомъ, или взаимнымъ перемѣщеніемъ тверскихъ землевладѣльцевъ въ Москву, а московскихъ въ Тверь. Взглядъ современниковъ на исторію паденія Твери не можетъ болѣе раздѣляться отдаленнымъ потомствомъ. Мы думаемъ, что и безъ измѣны бояръ въ Твери, послѣдней все равно пришлось бы подчиниться Москвѣ. Одни тверскіе бояре, насколько сильно нибыли они приверженцами своего князя, не могли отклонить завершеніе этого событія, такъ какъ не отъ нихъ оно зависѣло и это не было въ ихъ власти. Исторія Тверскаго княжества не можетъ быть понята вполнѣ безъ сопоставленія ея съ исторіей всей сѣверо-восточной Руси. Что совершилось въ Твери, то совершалось и въ другихъ сосѣднихъ княжествахъ. Тверское княжество нельзя представлять себѣ, какъ отдѣльное, независимое государство. Оно только составляло часть цѣлаго, т. е. сѣверо-восточной Руси, оно было одно изъ многихъ удѣльныхъ здѣсь княжествъ, сливавшихся теперь во—едино. Соединеніе его съ московскимъ княжествомъ не

есть покореніе его, сопровождавшееся кровопролитіемъ и опустошеніемъ, а только паденіе его удѣльной независимости. При такомъ взглядѣ на исторію тверскаго княжества, мы увидимъ, что самое паденіе независимости Твери, въ смыслѣ слiянiя ея съ московскимъ княжествомъ, не есть что нибудь особенно печальное, какое нибудь особенное несчастіе. Никакого завоеванія Твери, въ смыслѣ завоеванія напр., Константинополя Турками, здѣсь не было. Это былъ скорѣе, какъ мы сравнили бы, переходъ помѣстья отъ одного владѣльца къ другому. Мы можемъ говорить объ участіи тверскихъ бояръ, какъ бывшихъ дружинниковъ, въ катастрофѣ Твери, а не объ окончаніи тверской исторіи, которая продолжалась и послѣ, только слившись съ русскою. Измѣнился государственный строй въ сѣверо-восточной Руси еще со временъ Андрея Боголюбскаго, измѣнился настолько круто, что отдѣльная самостоятельная жизнь удѣльныхъ княжествъ не можетъ продолжаться по прежнему, но подъ другой формой возникаетъ новая жизнь, нисколько не хуже прежней. Послѣдняя страница тверской исторіи не можетъ вызывать въ насъ гнетущаго чувства горечи или отчаяніе. Никакого мщенія за оскорбленную честь не поднимаетъ она въ нашей душѣ. Смотрѣть на это событіе съ другой точки зрѣнія было бы недостойно современнаго историка.

III.

Въ какомъ положеніи находилась Сѣверо-восточная Русь современно присоединенію Твери къ Москвѣ? Какія задачи разрѣшались тогда Русской исторіей? Отвѣты на эти вопросы дозволятъ намъ взглянуть съ новой точки зрѣнія на разбираемый нами фактъ присоединенія Твери къ Москвѣ.

Еще ранѣе татарскаго нашествія Приднѣпровская Русь, вслѣдствіе набѣговъ половцевъ и другихъ степныхъ кочевниковъ, стала пустѣть. Отливъ населенія шелъ отсюда двумя путями. Одни поселенцы двигались на западъ къ лѣсистымъ склонамъ Карпатъ, къ Западному Бугу, и далѣе въ область Вислы, въ глубь Польши; другіе направлялись на сѣверо-востокъ, за Угру, въ междурѣчье Оки и верхней Волги. Татарскій погромъ только завершилъ запустѣніе Приднѣпровской Руси. Вскорѣ послѣ разрушенія Кіева Батыемъ, когда проѣзжалъ черезъ Кіевъ папскій миссіонеръ Плано-Карпини, въ 1246 г., въ этомъ городѣ едва насчитывалось 200 домовъ. Но въ концѣ XIV в. Приднѣпровская Русь снова населяется и прежніе ея жители, времено галицкіе и волынскіе, снова появляются на Днѣпрѣ и на Днѣстрѣ и образуютъ здѣсь десятки и сотни новыхъ городовъ и селеній. Когда вновь заселилась такимъ образомъ Украйна, то оказалось, что масса явившагося здѣсь населенія, смѣшавшись съ остатками бродившихъ инородцевъ, съ разными торками, берендѣями, печенѣгами, половцами и др., образовала собою Малорусское племя [1]).

---

[1]) Таково болѣе другихъ общепринятое мнѣніе о времени происхожденія Малорусскаго племени. Намъ извѣстно, что оно далеко не всѣми признается безспорнымъ. Мы не имѣемъ въ виду излагать здѣсь подробно этотъ споръ. Въ письмахъ къ Погодину Максимовича («Критическія замѣчанія, относящіяся къ исторіи Малороссіи»), помѣщенныхъ въ 1857 г. въ «Русской Бесѣдѣ», и въ отвѣтахъ на нихъ Погодина, можно видѣть, какъ въ началѣ шелъ споръ о переселеніи Малороссіянъ съ Карпатъ на Днѣпръ, въ вѣкъ Татарщины. Максимовичъ отвергаетъ это переселеніе, а Погодинъ признаетъ его. Историческія преданія Карпатской Руси говорятъ, что она пришла въ Карпаты съ береговъ Днѣпра, именно въ X вѣкѣ, вмѣстѣ съ Уграми. По другому преданію извѣстно, что русскіе переходили въ Карпаты въ XIV в. изъ Подолья, вмѣстѣ съ княземъ своимъ Коріатовичемъ.

Въ тоже время, когда въ Приднѣпровской Руси стали жаловаться на запустѣніе, въ отдаленномъ Суздальскомъ краѣ замѣчается необычная строительная дѣятельность. Такъ Юрій Долгорукій и сынъ его Андрей создаютъ здѣсь одинъ за другимъ новые города. Напр. въ Тверскомъ княжествѣ Юрій строитъ, при впаденіи Большой Нерли въ Волгу, городъ Кснятинъ. Въ 1147 г. становится извѣстной Москва. Въ 1152 г. Юрій строитъ нынѣшній городъ владимірской губерніи Юрьевъ въ Полѣ; въ 1154 году—Дмитровъ; въ 1158 г. Андрей Боголюбскій основываетъ городъ Боголюбовъ. Тверь, по лѣтописямъ, становится извѣстной ранѣе XIII в. Повтореніе на отдаленномъ сѣверѣ, въ Суздальскомъ краѣ по преимуществу, названій южныхъ городовъ, какъ напр. Переяславль, названій рѣчекъ, напр. Почайна, Лыбедь, указываетъ на то, что основавши здѣсь города были южные переселенцы. Изъ пришельцевъ съ юга и туземныхъ инородцевъ финскаго племени образовалось здѣсь Великорусское племя. Но здѣсь были и ранѣе славянскіе переселенцы. Колонизація шла ранѣе отъ Новгорода, изъ Смоленска и изъ земли вятичей [1]. Главная же масса славянскихъ элементовъ явилась въ этомъ краѣ теперь. При томъ замѣчательно, что какъ скоро Великорусское племя начало свою самостоятельную жизнь, подчинившись окружающей его природѣ, оно занялось прежде всего земледѣліемъ, а не торговлей; бытъ его преимущественно былъ сельскій, а не городской, какъ въ Кіевской Руси.

Говоря о составѣ населенія въ Сѣверо-восточной Руси, мы не можемъ здѣсь назвать всѣ его отдѣльныя части. Мы говоримъ только въ общихъ чертахъ, хотя знаемъ, что можетъ быть нигдѣ въ Россіи соки разныхъ племенъ не были разнообразнѣе и многочисленнѣе и смѣсь ихъ пестрѣе, чѣмъ

---

[1]) Русская Исторія, К. Бестужева Рюмина. т. I. 149.

въ московской и сосѣднихъ областяхъ. Какими путями шла сюда русская колонизація, который изъ нихъ древнѣе, объ этомъ многое изъ изслѣдованнаго относится къ спорнымъ вопросамъ. Несомнѣнно только то, что славянская стихія была въ разныхъ краяхъ Сѣверо-восточной Руси уже при самомъ началѣ Русской исторіи.

Можетъ быть однимъ изъ первыхъ насельниковъ здѣсь были кривичи, вышедшіе изъ Смоленской земли; за ними явились новгородскіе выходцы, начавшіе свои разбойническіе подвиги довольно рано и осѣвшіе на волжскомъ пути. Не менѣе древній путь въ бассейнъ Клязьмы велъ съ верхняго Приднѣпровья, а по Окѣ и по рѣкамъ въ нее впадающимъ легко было итти колонизаціи и изъ земли вятичей [1]. Тверская область могла всего скорѣе получить населеніе отъ Новгорода, Торжка и Бѣжецка. Тудовляне, получившіе названіе отъ р. Туда, живущіе въ южной части нынѣшней тверской губерніи, несомнѣнно изъ смоленской области, какъ говорящіе по бѣлорусски. Названіе финскаго племени Веси до сихъ поръ сохранилась за городомъ Весьегонскомъ, въ тверской губерніи. Самыми позднѣйшими переселенцами въ тверскую губернію были корелы (въ XVII ст., послѣ Столбовскаго договора).

Г. Бѣляевъ въ статьѣ своей: «Какъ образовалось великорусское племя?» говоритъ, что сравнительно въ позднее время, на памяти исторіи здѣшняго края, совершалось сюда переселеніе изъ кіевской стороны, и что именно нашествіе монголовъ выслало сюда подновленіе славянской крови, способствовавшее окончательному претворенію здѣшнихъ финовъ въ славянъ [2]. Изъ опустошеннаго и на первый разъ обра-

---

[1]) Ibid I. 186.

[2]) См. Извѣстія Антропологическаго отдѣленія Общества любителей естествознанія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, т. I. М. 1865 г., 36 стр.

щеннаго въ татарское кочевье Приднѣпровья, именно изъ переяславскихъ и кіевскихъ владѣній, тамошніе славяне толпами потянулись на сѣверо-востокъ -- въ рязанскія и суздальскія владѣнія; сюда пошли оттуда и князья лишенные владѣній, и бояре, и горожане сожженныхъ городовъ, и селяне, которыхъ нивы были обращены въ пастбища татарскихъ коней. На это движеніе изъ Приднѣпровья на сѣверо-востокъ мы имѣемъ указанія и въ лѣтописяхъ. Напримѣръ подъ 1304 годомъ читаемъ о переселеніи въ Москву галицкаго боярина колонизатора Родіона Нестеровича съ цѣлымъ полкомъ княжатъ и дѣтей боярскихъ, числомъ въ 700 человѣкъ. Но гораздо сильнѣйшія свидѣтельства мы находимъ въ старыхъ народныхъ преданіяхъ. Всѣ народные пѣсни и былины, самыя древнѣйшія, повѣствующія о древнѣйшихъ приднѣпровскихъ князьяхъ Олегѣ, Владимірѣ, о тамошнихъ народныхъ богатыряхъ и о городахъ Кіевѣ, Черниговѣ, Галичѣ и Волыни, до сего времени сохраняются въ народѣ и поются и разсказываются стариками и старухами изъ крестьянъ и мѣщанъ въ здѣшнемъ краѣ, тогда какъ всѣ сіи приднѣпровскія преданія давно уже утратились въ Приднѣпровьѣ, гдѣ старина въ пѣсняхъ и былинахъ народныхъ не восходитъ старше казачества. Все это ясно показываетъ, что лучшая и наибольшая часть стараго приднѣпровскаго славянскаго населенія во время татарскаго владычества, или позднѣе при занятіи Галича и Волыни польскимъ королемъ Казиміромъ, перебралась на сѣверо-востокъ, въ здѣшній край, со всѣми своими мѣстными древними народными преданіями, и слившись съ здѣшнимъ славянскимъ населеніемъ, передала ихъ своимъ потомкамъ, которые и хранятъ ихъ въ своей памяти, какъ общую народную святыню всей русской земли и всего славянскаго племени на Руси. На тоже передвиженіе приднѣпровскаго славянства на сѣверо-востокъ и преобразованіе его въ великорусскій типъ указываютъ и древніе приднѣпровскіе законы извѣстные подъ именемъ Русской Правды. Законы

сіи въ прежнее время общіе всей Русской землѣ, и особенно сильные въ Приднѣпровьѣ, теперь рѣшительно тамъ забыты; тогда какъ въ здѣшнемъ краю они большею частью сохраняются простонародьемъ въ юридическихъ обычаяхъ, которымъ неуклонно слѣдуетъ народъ, когда дѣло не доходитъ до оффиціальнаго суда.

Верхне-Волжская Русь послѣ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III дробится, какъ и въ старину Кіевская, на многія удѣльныя княжества. Таковы княжества: ростовское, переяславское, владимірское, суздальское, костромское, московское, ярославское, углицское, тверское, нижегородское, рязанское, смоленское и др. Изъ нихъ особенно усиливается впослѣдствіи московское. Исторія его есть постепенное превращеніе изъ удѣльнаго княжества въ Россійское государство. Москва не центръ Сѣверо-восточной Руси, но она этнографическій центръ Великорусскаго племени. Московское княжество въ концѣ XIII ст. и въ продолженіи большой части XIV была едва ли не единственнымъ краемъ на Руси не испытавшимъ опустошительныхъ татарскихъ нашествій. Отъ этого увеличивалось его населеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ доходы московскихъ князей. Близость къ Окѣ расширила ея торговлю. Московскіе князья были хорошіе хозяева, скопидомы, и всѣ держались преимущественно одной и той же благоразумной политики, и внутренней, и внѣшней. Когда въ Сѣверо-восточной Руси установился удѣльный порядокъ, онъ не былъ вполнѣ сходенъ съ тѣмъ, какой былъ ранѣе въ Руси Кіевской. Правда въ памятникахъ права съ половины XV в. мы встрѣчаемъ прежнія удѣльныя явленія и знакомыя намъ формы прежнихъ удѣльныхъ княжескихъ отношеній. Въ договорахъ великаго князя съ удѣльными, младшими его родичами, послѣдніе, по прежнему, обязываются держать великаго князя своимъ старшимъ братомъ «въ отца мѣсто», а великій князь обязывается держать младшихъ удѣльныхъ князей въ братствѣ, безъ обиды. По прежнему и въ исторіи Сѣверо-восточ-

ной Руси продолжаются удѣльные процессы. Но перемѣна замѣтна въ томъ явленіи, что Москва мало по малу собираетъ Русь подъ своею властію и старшій изъ московскихъ князей дѣлается богаче и сильнѣе своихъ предшественниковъ вслѣдствіе увеличенія своихъ вотчинъ. Московское собираніе Руси еще далеко не уничтожило всѣхъ самостоятельныхъ русскихъ міровъ, вольныхъ городовъ и княжествъ, вплоть до вступленія на престолъ Іоанна III. Но успѣхи Москвы въ этомъ направленіи были до сихъ такъ поръ значительны, что не трудно было рѣшить, чѣмъ они окончатся. Особенно это стало ясно при Іоаннѣ III, когда была присоединена и Тверь. Въ это время дѣло собиранія Москвою подъ свою руку Сѣверо-восточной Руси находилось въ болѣе выгодныхъ, чѣмъ прежде, условіяхъ, которыя и сообщаютъ ему ускоренный ходъ и новый характеръ. Теперь сами мѣстныя общества начинаютъ тяготѣть къ Москвѣ Въ вольныхъ городахъ нисшіе классы становятся на сторону Москвы въ борьбѣ съ мѣстною аристократіей. Такое сочувствіе новгородскаго простонародья много мѣшало Іоанну III въ борьбѣ его съ Новгородомъ. Совсѣмъ другое настроеніе встрѣчаемъ мы въ другихъ великихъ княжествахъ Сѣверо-восточной Руси, остававшихся еще независимыми въ началѣ княженія Іонна III. Здѣсь верхніе слои общества, бояре и служилые люди, а не простой народъ, тяготѣютъ къ Москвѣ: въ Нижнемъ Новгородѣ, Рязани и Твери бояре первые переходятъ на сторону Москвы. Изъ Твери еще за долго до послѣдняго удара, нанесеннаго ей Москвой, мѣстные бояре и дѣти боярскіе толпами переходятъ на московскую службу. Когда Іоаннъ III осадилъ Тверь, новая толпа тверскихъ бояръ явилась въ московскій лагерь съ предложеніемъ своихъ услугъ. Мѣстный лѣтописецъ называетъ ихъ крамольниками и считаетъ ихъ главными виновниками паденіе Твери. Но онъ не понималъ, что совершалось передъ его глазами.

Наконецъ, любопытное движеніе, выгодное для Москвы,

обнаруживается и въ мелкихъ русскихъ княжествахъ, зависѣвшихъ отъ великаго князя литовскаго. Во второй половинѣ XV вѣка русское общество возстаетъ здѣсь противъ католической пропаганды, начавшей дѣйствовать подъ покровительствомъ польско-литовскаго короля Казиміра. Вслѣдъ за русскимъ православнымъ обществомъ идутъ и мелкіе русскіе князья: подъ давленіемъ религіозныхъ интересовъ одинъ за другимъ они приходятъ съ своими вотчинами на службу къ московскому государю, добровольно отказываясь отъ самостоятельности, какой пользовались подъ рукой польско-литовскаго короля. Такимъ образомъ разные классы общества, въ вольныхъ городахъ и княжествахъ, русскихъ и литовскихъ, вмѣстѣ съ своими князьями начинаютъ тяготѣть къ Москвѣ. До сихъ поръ земельныя пріобрѣтенія Москвы имѣли характеръ захватовъ, или выгодныхъ финансовыхъ сдѣлокъ съ другими князьями. Теперь, при Іоаннѣ III, когда сами мѣстныя общества начинаютъ тяготѣть къ Москвѣ, какъ къ своему религіозно-политическому центру, московское собираніе Руси теряетъ характеръ мелкихъ вотчинныхъ примысловъ и захватовъ и становится движеніемъ вполнѣ національно-религіознымъ. Появленіе этого новаго условія въ дѣлѣ московскаго собиранія Руси сообщаетъ ему ускоренный ходъ.

Необыкновенно быстрое расширеніе московской территоріи съ половины XV вѣка, повидимому—фактъ географическій, внѣшній. Однако легко замѣтить, что онъ глубоко измѣняетъ значеніе московскаго великаго князя и положеніе его княжества. Если мы представимъ себѣ границы этого княжества, то замѣтимъ, что въ нихъ заключалась уже цѣлая народность. Въ удѣльные вѣка, путемъ колонизаціи центральной и сѣверной Руси, сложилась новая отрасль русскаго племени, новая народность великорусская. Эта народность была готова къ половинѣ XV вѣка. Но до сихъ поръ она оставалась фактомъ этнографическимъ, а не политическимъ; національное единство ея не выражалось въ единствѣ государ-

ственномъ; части народности были разбиты на независимыя политическія группы. Теперь, во время Іоанна III, эта народность впервые является подъ одной политической формой. Это измѣняетъ значеніе московскаго княжества: до сихъ поръ оно было однимъ изъ нѣсколькихъ великихъ княжествъ сѣверной Руси; теперь оно становится въ ряду другихъ единственнымъ національнымъ, его границы совпадаютъ съ предѣлами великорусской народности, оно становится великорусскимъ государствомъ. Вслѣдствіе этого, во 1-хъ, измѣняется внѣшняя политика московскихъ князей. До сихъ поръ московское княжество почти со всѣхъ сторонъ было прикрыто отъ внѣшнихъ враговъ другими русскими княжествами: на сѣверо-западѣ тверскимъ, на сѣверо-востокѣ ярославскимъ, на востокѣ, до конца XV вѣка, нижегородскимъ, на югѣ рязанскимъ и цѣлымъ рядомъ мелкихъ черниговскихъ княжествъ, на западѣ смоленскимъ. Теперь же, при Іоннѣ III, всѣ эти прикрытія исчезаютъ, всѣ эти княжества сливаются съ московскимъ и послѣднее становится глазъ на глазъ съ государствами, которыя не принадлежатъ къ семьѣ русскихъ княжествъ. Благодаря такой перемѣнѣ во внѣшнемъ положеніи московскаго княжества измѣняется и политика московскихъ князей. Они усвоиваютъ себѣ новыя задачи, не похожія на тѣ, какія стояли на очереди передъ московскими князьями недавняго прошлаго времени. Теперь завязываются сложныя дипломатическія сношенія съ иноземными государствами: шведскимъ, литовскимъ—на западѣ, съ казанскимъ и крымскимъ на востокъ и югѣ. Въ удѣльные вѣка подъ вліяніемъ политическаго раздробленія Руси исчезло въ умахъ понятія о единствѣ Русской земли. Теперь, когда Великороссія объединяется подъ одной государственной властью, это забытое понятіе о земскомъ единствѣ возрождается снова. Мысль о Русской землѣ вырабатывается прежде всего въ правительственной средѣ путемъ внѣшнихъ сношеній и столкновеній, и уже изъ правительственной среды проникаетъ въ

общество. Московское княжество получило значенiе нацiональнаго государства; владѣтели великорусской земли, правители этого государства, поставили на очередь вопросъ и о политическомъ объединенiи всей Русской земли, и изъ этого вопроса, поставленнаго необыкновенно ясно и твердо, произошла вѣковая борьба двухъ сосѣднихъ славянскихъ государствъ, составляющая главное содержанiе всей внѣшней московской политики съ половины XV вѣка.

Еще Карамзинъ придавалъ особенную важность государствованiю Іоанна III. Онъ ставилъ заслуги его даже выше заслугъ Петра Великаго. Какъ бы то ни было, но нельзя отрицать, что вѣкъ паденiя Твери и Новгорода, вѣкъ Іоанна III заключаетъ въ себѣ разрѣшенiе важнѣйшихъ задачъ Русской исторiи. Въ это время совершился переворотъ въ области политическихъ идей и стремленiй, характеризующiй всю послѣдущую исторiю Московской Руси. Общественной и государственный строй нашего народа сложился именно въ эту пору и сложился такимъ, какимъ въ главныхъ чертахъ мы видимъ его даже въ настоящее время. Всѣ позднѣйшiя и даже самыя великiя дѣянiя петербургскаго перiода нашей исторiи, за исключенiемъ упраздненiя крѣпостнаго права, заключались главнѣйше во внѣшнихъ прiобрѣтенiяхъ и касались нашего внутренняго государственнаго и общественнаго строя только съ самой формальной (административной) его стороны; въ сущности же все это дальнѣйшее развитiе нашего внутренняго государственнаго и гражданскаго строя было только довершенiемъ зданiя заложеннаго въ московскомъ перiодѣ нашей исторiи.

Въ это время, съ наплывомъ бояръ изъ удѣльныхъ княжествъ въ Москву, развиваются среди бояръ удѣльныя преданiя. Потомки бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей, почувствовавъ себя въ сборѣ вокругъ московскаго кремля, взглянули на себя, какъ на собранiе наслѣдственныхъ привычныхъ властей Русской земли, а на Москву, какъ на сбор-

ный пунктъ, изъ котораго они будутъ попрежнему править Русской землей, только не въ одиночку, а вмѣстѣ. Самъ московскій великій князь поддерживалъ въ титулованныхъ боярахъ этотъ взглядъ, часто прямо признавая ихъ удѣльныя преданія. При новомъ своемъ составѣ московская боярская знать присвоила себѣ и новое политическое значеніе, какого прежде никогда не имѣла. Оно было закрѣплено въ половинѣ XVI в. своеобразнымъ порядкомъ служебныхъ отношеній установившимся между самими боярами, именно мѣстничествомъ.

Вотъ что ожидало и тверскихъ бояръ, перешедшихъ на службу въ Москву, въ ближайшемъ будущемъ.

Такого рода соображенія, касающіяся времени паденія Твери, объясняющія важность выраженія великорусскаго племени въ московской политикѣ, по нашему мнѣнію, болѣе вѣрно опредѣляютъ причины паденія Твери, чѣмъ небольшая замѣтка лѣтописца о крамолѣ тверскихъ бояръ, на долю которыхъ пала и несоразмѣрная отвѣтственность въ критическія минуты мѣстной исторіи.

Н. Овсянниковъ.

Печатано по распоряж. Тверской Учен. Арх. Ком., 16 марта 1892 г.

Тверь. Типографія Губернскаго Правленія.

